

С активностью восприятия жизни в поэзии М. связано и ее светоносное начало: «С бидоном идет молодайка, / И солнце звенит на зубах», «Горит береза ярко над ручьем» (Мещерский городец. С. 11, 24), «Как ясно в небе предосеннем», «И прозрачной речкою / вся душа просвечена», «Ах, как нынче кругом просветлело. / И озера, и речки чисты» (Поле зовет. С. 6, 19, 69), «Запахла пашня теплым хлебом, / согрел лицо мне красный луч» (Посветлело. С. 28). Контраст света и тьмы также составляет структурообразующий элемент лирики М.: «Черный день / белым снегом отбелится...», «...нас единит живое пламя, / а не остывшая зола».

Стихи М. перелгались на музыку композиторами Б. Грабовским, В. Ивановым, М. Лебедевой, В. Панченко и др.

Соч.: Мещерский городец: стихи. М., 1974; Я рос на просторе: детские стихи. Л., 1983; Поле зовет: стихи. М., 1984; Отзывчивость: стихи. Л., 1985; Посветлело. Л., 1987; Любви связующая нить. Л., 1990; Красота неуядаемая: Стихи и проза. Касимов, 1991; Под сводом небесным: стихи. М., 1994; И тайный звук в душе звучал. СПб., 1998; СС: в 5 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы, проза. СПб., 2003.

Лит.: Веселов В. Ответственность дебюта // Смена. 1974. 23 янв.; Родин Н. О книге «Мещерский городец» // Мещерская новь. Касимов. 1974. 4 мая; Михайлов И. Рязанские мотивы // Аврора. 1975. № 3; Покровский А. Душа леса // Лит. Россия. 1976. 16 июля; Кутов Н. Зрелость чувств // Вечерний Ленинград. 1975. 26 окт.; Михайлов Ал. Что у кого есть // Москва. 1975. № 6; Сотников Н. Стихи есенинского края // Молодой Ленинград. 1975. № 6; Захаров А. Подлинный стих — негромок // Звезда. 1986. № 10; Карлагин Н. О книге «Отзывчивость» // Сибирские огни. 1986. № 10; Максимов Н. Начальной жизни торжество // Нева. 1987. № 4; Терехин Л. О книге «Посветлело» // Лит. обозрение. 1988. № 1.

А. И. Михайлов

МОРОЗОВ Николай Александрович [25.6 (7.7).1854, имение Борок Мологского у. (ныне Некоузского р-на) Ярославской губ.— 30.7.1946, там же] — поэт, прозаик, мемуарист, популяризатор науки, публицист.

Внебрачный сын уездного предводителя дворянства П. А. Щепочкина и его крепостной А. В. Морозовой, получившей вольную. По паспорту М.— мещанин г. Мологи. Под руководством отца — англомана-конституционалиста, с крайним пренебрежением относившегося к деятельности Александра II, М. получил систематическое домашнее образование, с юных лет увлекаясь естествен-

ными науками. В 1868 был принят во 2-й класс 2-й Московской гимназии, где обучался до 5-го класса, после чего в 1874 был исключен без права поступления в иное учебное заведение за основание «Общества гимназистов-естествоиспытателей», в чем был усмотрен «нигилизм».

В мае 1874 М. сблизился с московскими «чайковцами». С агитационными целями летом 1874 в одежде простолюдина М. прошел пешком около 300 верст по Курской и Воронежской губ.; осенью он обошел Московскую, Костромскую и Ярославскую губ., выдавая себя за кузнеца. После разгрома народнического движения по решению оставшихся на свободе «чайковцев» в нояб. 1874 М. был отправлен в Женеву для издания народной газ. «Работник» (под редакцией М. вышло 3 номера). В Женеве М. познакомился с П. Н. Ткачевым, П. Л. Лавровым, В. Н. Фигнер, Г. В. Плехановым, а также вступил в местную секцию «Интернационала». 12 марта 1875 при возвращении в Россию М. был арестован и почти 3 года провел в Доме предварительного заключения. Приговоренный на «Процессе 193-х» в окт. 1877 к 18 месяцам заключения, М. был освобожден с учетом срока предварительного заключения и сразу же перешел на нелегальное положение.

Весной 1878 М. явился одним из деятельных участников «Земли и воли»; вошел в состав редколлегии ж. «Земля и воля». Ввиду разногласий с В. Плехановым и Л. А. Тихомировым по принципиальным вопросам (они отвергали проповедуемый М. террор), М. был назначен редактором учрежденного специально для него «Листка «Земли и воли» (с марта по июнь 1879 вышло 6 номеров). В авг. 1879 М. стал одним из учредителей «Народной воли», был назначен редактором газ. «Народная воля». Свои взгляды на партийную работу М. изложил в брошюре «**Террористическая борьба**» (Лондон, 1880; переизд.: Женева, 1900), встретившей осуждение большинства товарищей по партии; тем не менее, брошюра М. была отнесена правительством к программным документам «Народной воли» и в качестве улики фигурировала на всех крупных политических процессах.

Для предотвращения внутривнутрипартийных разногласий весной 1880 М. вместе со своей гражданской женой народолюбовкой О. Н. Любатович был отправлен «Исполнительным Комитетом» в Швейцарию в качестве заграничного представителя «Народной воли». Для издаваемой М. К. Элпидиным в Женеве «Социально-революционной библиотеки»

М. составлял коллективную «Историю социального движения в России за 1873–1875 гг.», собрав для нее большое количество мемуаров. В дек. 1880 М. посетил в Лондоне К. Маркса для того, чтобы узнать, какие свои сочинения тот считает первоочередными для издания на русском яз.

При переходе границы 23 янв. 1881 М. был арестован и доставлен в С.-Петербург; в июле 1881 его перевели из Дома предварительного заключения в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. На «Процессе 20-ти» 15 февр. 1882 М. был приговорен к бессрочным каторжным работам; немаловажную роль в определении тяжести наказания сыграла пресловутая брошюра «Террористическая борьба». Александр III смягчил приговор, заменив бессрочную каторгу пожизненным заключением, и М. был переведен в Алексеевский рavelин, откуда 2 авг. 1884 был перемещен в новопостроенную тюрьму в Шлиссельбурге, где и пробыл до 28 окт. 1905, когда был досрочно освобожден по амнистии. Проведя около 25 лет в заключении (из них 18 — в одиночном), М. непрерывно занимался самообразованием и достиг выдающихся результатов. Получая в первые годы заключения только издания духовного содержания, М. попытался рассматривать их исключительно с естественнонауч. точки зрения. После того как узники получили возможность выписывать книги, а также пользоваться письменными принадлежностями, М. принялся за работу над задуманным еще в молодости трудом **«История человеческой культуры в естественнонаучном отношении»**. М. пришел к объяснению ряда явлений, находящихся на стыке науч. дисциплин. Так, одним из первых он разработал теорию о сложном строении атома, объяснения с позиций диалектического материализма явления изотопии и радиоактивности, тем самым теоретически обосновав ряд последующих открытий начала XX в. и явившись одним из основателей совр. атомистики. Написанное М. в заключении составило 26 объемистых томов; опубликована незначительная часть.

Первое выступление М. в печати — заметка **«Даниловское дело»** была опубликована в издававшемся Лавровым в Лондоне ж. «Вперед» (1875); в дальнейшем в этом изд. М. поместил еще ряд анонимных заметок (перечень их в автобиографии 1913).

Поэтическое вдохновение на М. снизошло внезапно в 1877 во время предварительного тюремного заключения — так появились стих. **«Видение в темнице»**. «Записав его

Н. А. Морозов

в тетрадку, оставил лежать до поры до времени. Мне было очень стыдно сказать кому-нибудь из товарищей по заточению или на свободе, что я тоже пишу стихи. Я привык смотреть на поэзию как на высший род литературы, доступный только избранным душам, на которых находит „вдохновение“ <...> и вдруг я, ничем не замечательный человек, — предъявляю претензию на то же самое. Мне это казалось таким сомнением, с которым ничто сравниться не может» (**Повести моей жизни**. Т. 2. С. 173–174). Тем не менее, сочиненное М. товарищам понравилось, и они начали побуждать его к продолжению стихотворчества, на что М. «для поднятия их духа» изъявил согласие; в том же году 7 стих. М. были напечатаны в сб. «Из-за решетки» (Женева, 1877). Чуть позже 8 стих. М. были опубликованы в подпольном сб. стих. «Земли и воли» (1879), а в 1880 (на обложке — 1881) в Женеве увидел свет и составленный самим М. сб. **«Стихотворения Николая Морозова. 1875–1880»**, заботливо посвященный им «русским революционерам-террористам». Поэтические произведения М. 1870-х отличаются от созданных в то время в неволе аналогичных текстов др. народников лишь сравнительно большим количеством обращений и посвящений конкретным лицам, а также в ряде случаев — подчеркнуто автобиографическим характером. Несколько расширено и жанровое разнообразие — М. пробовал силы не только в распространенных в народнической среде стихотворных lamentациях на тему «борьба — герой — неволя», но и в достаточно редких стихотворных сатирах по конкретному поводу. Во всем поэтиче-

ском наследии М. чувствуется сильная зависимость от Некрасова и — в несколько меньшей степени — от Лермонтова.

Выйдя в 1905 на волю и приступив к изданию своих трудов, М. сразу же оказался в фокусе общественного внимания. «Кажется, не было вечера, на котором он не выступал бы в качестве участника» (Минцлов С. Р. Петербург. Рига, 1931. С. 246). Известности М. в немалой степени способствовали написанная В. Н. Фигнер его биография, помещенная в I части «Галереи Шлиссельбургских узников» (1907), а также мемуары самого М. **«В начале жизни: Как из меня вышел революционер вместо ученого»** (1907) и **«Письма из Шлиссельбургской крепости»** (1910). По предложению Д. И. Менделеева за работу **«Периодическая система строения вещества: Теория образования химических элементов»** (1907) М. была присуждена степень доктора наук *honoris causa*. По приглашению П. Ф. Лесгафта в 1908 М. занял должность приват-доцента (в дальнейшем — профессора) по кафедре аналитической химии естественного ф-та Высшей вольной школы. М. был избран почетным членом ряда ученых обществ и ун-тов. В 1908 М. женился на своей студентке К. А. Бориславской, бывшей моложе его на 25 лет. Смотря на популяризацию наук как на высшую обязанность ученого перед народом, М. с 1908 по 1916 объехал всю Россию с лекциями по естественным наукам, пропагандируя также воздухоплавание и свои оригинальные воззрения на мировую хронологию и суть исторического процесса.

Феномен М. необычайно заинтересовал Л. Н. Толстого. При личном знакомстве, состоявшемся 28 сент. 1908, М. сперва очаровал Толстого своими астрономическими познаниями, затем разочаровал непониманием толстовских идей. Весьма заинтересовал собой М. также И. Е. Репина, в 1906 нарисовавшего его портрет и иллюстрировавшего своими рисунками сб. стихов М. **«Из стен неволи»** (1906).

Одной из первых опубликованных на свободе работ М. был его опыт ревизионистского подхода к хронологии всемирной истории **«Откровения в грозе и буре»** (1907; репринт: 1991), где, произвольно толкуя встреченные в тексте Откровения Св. Иоанна Богослова отдельные указания, якобы указывающие на конкретное расположение небесных светил, М. сделал вывод о принадлежности текста не Св. Иоанну Богослову, а Св. Иоанну Златоусту и, соответственно, отнесении его не к I, а к IV в. н. э. Подобное «открытие»,

принадлежащее почтенному ученому, с восторгом было встречено либеральной интеллигенцией и непониманием низшего духовенства; ряд богословов сразу же опроверг измышления М. (наиболее квалифицированный разбор см.: Аксаков Н. П. Беспредельность невежества и Апокалипсис. М., 1907), но в общем хоре восторженных похвал прессы их голоса не были услышаны. «Никто не осудит „Письма Морозова из Шлиссельбурга“, но его „Гроза в буре“ нелепа и претенциозна» (Розанов В. В. Уединенное...). Успех подвинул М. к дальнейшим «исследованиям», продолжением «Откровений» явились книги **«В поисках философского камня»** (1909), **«На границе неведомого»** (1910) и **«Пророки: История возникновения библейских пророчеств»** (1914), а также **«Христос»** (Т. I–VII. 1924–32).

В 1910 М. опубликовал итоговый сб. своих стих. **«Звездные песни»**, во мн. повторивший изд. 1907; тем не менее, за него М. был приговорен к годичному заключению в Двинской крепости. Там М., не пользуясь какими-либо дневниковыми записями или лит-рой, приступил к работе над мемуарами **«Повести моей жизни»** (1916–18), ставшими ценнейшим источником по истории народничества. В годы Первой мировой войны неоднократно ездил на фронт в качестве представителя Земского союза; результатом поездок явился сб. рассказов и «размышлений» **«На войне»** (1916). В это же время М. совершил ряд лекционных поездок по Сибири и Дальнему Востоку, где выступал также и на общественно-политические темы, например, **«Как прекратить вздорожание жизни?»** (1916).

В 1917 М. входил в Партию народной свободы (и даже участвовал в Московском гос. совещании), однако после Октябрьского переворота М. первым из старшего поколения революционеров обратился к большевикам с предложением о сотрудничестве. В награду по указу Ленина в собственность М. было передано родовое имение Борок. В 1918 М. был назначен пожизненным директором Естественнонаучного ин-та им. П. Ф. Лесгафта (бывшей Высшей вольной школы, впоследствии Высших курсов Лесгафта, где М. трудился со времени выхода из Шлиссельбурга). Почти сразу же М. был введен в пантеон классиков советской поэзии: очередное издание **«Звездных песен»** (Т. 1–2. 1910–21) вобрало в себя все поэтическое наследие М.

Науч. наследие М. далеко не равноценно. Так, его исторические изыскания, основанные лишь на свойственном самому М. ме-

тоде естественнонауч. гиперкритицизма и априорно отвергающие мн. события всемирной истории, совершенно не соответствуют по значимости его трудам по химии.

М. принимал активное участие в популяризации авиации (**Среди облаков**. 1924).

Еще в молодости у М. возникло намерение написать **«Естественную историю богов и духов»** — «по аналогии с современными зоологиями и ботаниками», но лишь в Шлиссельбурге М. «получил возможность накопить за неимением ничего лучшего запас историко-религиозных знаний». Замысел М. вполне удался. «Как бы там ни было, но то, что он создал свою систему отрицания древнего мира, гениально. Пусть сама система и невежественна, но сам факт ее создания, повторяю, гениален, если учесть то обстоятельство, что Морозов был посажен в крепость на двадцать пять лет, то есть лишен общения с миром, по существу, навсегда. — Ах, вы меня лишили мира? Хорошо же! Вашего мира не было!» (Олеша Ю. К. Ни дня без строчки: Из записных книжек. М., 1965. С. 174).

В центре науч. интересов М. до конца жизни оставались «История человеческой культуры в естественнонаучном освещении» — такой подзаголовок носил итоговый труд М. «Христос». Тезисно сформулированные в брошюре **«Христос или Рамзес?»** попытки применения математической теории вероятности к историческому прошлому (1924; репринт: 1990) методические основы своих поисков М. счел необходимым проиллюстрировать на примере событий всего хода мировой истории, что вызвало сочувственное отношение властей, едва ли разбравшихся в нюансах воззрений М., но видевшие в его опусах действенную антирелигиозную пропаганду. По устному сообщению Д. С. Лихачева, главным покровителем М. в 1920-е был директор Госиздата И. И. Иванов, бывший шлиссельбуржец и поэт-графоман, причем большая часть тиража свежешедших последних томов отправлялась в макулатуру едва ли не сразу после показа М. После 1932 издания было прекращено; в 1997–98 «Христос» был репринтно переиздан, а также началась публикация неизданных томов, над которыми М. работал едва ли не до конца жизни. В последней четверти XX в. на основе трудов М. было создано учение о «новой хронологии» (М. М. Постников, А. Т. Фоменко, А. Г. Носовский), в условиях одичания постсоветского общества нашедшее значительное число приверженцев, преимущественно среди технической интеллигенции.

В 1920–30-е М. был удостоен ряда правительственных наград и был избран почетным членом Академии наук СССР по двум отделениям — химических и физико-математических наук (1932). Его мемуары «Повести моей жизни» неоднократно переиздавались. После уничтожения в середине 1930-х последних живых реликтов народничества М. и В. Фигнер остались почти единственными представителями старшего поколения революционеров, не встретившего признания со стороны своих преемников. В отличие от Фигнер, М. восторженно превозносил советскую власть во всех ее проявлениях и ценил все знаки внимания, которыми не был обделен. М. выступал с воспоминаниями о прошлом, причем главным событием всей его жизни неизменно оказывалась происшедшая более полувека встреча с Марксом (Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 84–86). На ежегодных демонстрациях М. с красным знаменем шел во главе колонны своего ин-та, являя собой зримое свидетельство неразрывной связи советской власти с революционными традициями как русского «освободительного» движения, так и мирового марксизма в целом. Последние годы жизни провел в Борке.

Соч.: Повести моей жизни: в 3 т. / под ред. и с прим. С. Я. Штрайха. М., 1947; То же: в 2 т. М., 1961. Стереотип. изд. 1962, 1965; Звездные песни. Ярославль, 1974; Поэты-демократы 1870–1880-х. Л., 1968. (Б-ка поэта. Б. серия. 2-е изд.); Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959. (Б-ка поэта. Б. серия. 2-е изд.); История человеческой культуры в естественнонаучном освещении: Т. 1: Небесные вехи земной истории человечества; Т. 2: Силы земли и небес; Т. 3: Бог и слово; Т. 4: Во мгле минувшего при свете звезд; Т. 5: Руины и приведения; Т. 6: Из вековых глубин (В 2 ч.); Т. 7: Великая Ромея; Т. 8: Новый взгляд на историю русского государства; Т. 9: Азиатские христы. М., 2003; Т. 10: Миражи исторической пустыни между Тигром и Евфратом. Клинопись. М., 2002.

Лит.: Любатович О. С. Далекое и недавнее. М., 1930; Фигнер В. Н. Запечатленный труд // ПСС: в 7 т. М., 1932 и отд. изд.: Т. 1–2. М., 1964; Морозова К. Николай Александрович Морозов. М.; Л., 1944; Лисов Р. А. Атомные теории в России второй половины XIX в.: автореферат канд. дис. М., 1954; Осмаков Н. В. Поэзия революционного народничества. М., 1961; Жданов С. М. М. О. Морозов: на украинском яз. Киев, 1971; Половский М. А. Победенное время. М., 1975. (Пламенные революционеры); Житова Н. К. Общественно-политические и философские воззрения Н. А. Морозова: автореферат канд. дис. М., 1978; Николай Александрович Морозов (1854–1946). М., 1981. (Материалы и библиографии ученых СССР. Серия химических наук. Вып. 64); Н. А. Морозов — ученый-энциклопедист:

сб. статей АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. М., 1982; Твардовская В. А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983; Васецкая А. А. Идеи социокосмизма в произведениях Н. А. Морозова: автореферат канд. дис. М., 1987; Внучков Б. С. Узник Шлиссельбурга. Ярославль, 1988.

М. П. Лепехин

МОРШЕН (настоящая фамилия Марченко) Николай Николаевич [26.10(8.11).1917, Киев — 31.7.2001, Монтерей, Калифорния, США] — поэт, переводчик.

В 1944 вместе с отцом Николаем Владимировичем Марченко, ставшим впоследствии известным романистом (псевдоним — Н. Нароков), оказался в Германии. «Загадочную» фамилию М. выбрал, чтобы избежать репатриации. С 1950 живет в Калифорнии (США).

Печататься начал в 1948. Выпустил 5 авторских сб.: «Тюлень» (Франкфурт-на-Майне, 1959), «Двоеточие» (1967), «Эхо и зеркало» (1979), «Собрание стихов» (1996) и «Пуще неволи» (2000), куда впервые вошли переводы М.

Стихи первой книги более автобиографичны, лиричны. Вторая проникнута философскими раздумьями. Третья отличается значительно большим новаторством формы. Итоговая, пятая, включает в себя стихи четырех предыдущих, циклы «Умолкший жаворонок» и «Новые стихи» — философские раздумья поэта об искусстве и жизни. Всем им присуща «острая мысль, внутренняя страсть, а иногда и увлекательная игра смысловых контрастов и точек зрения» (В. Марков).

Н. Н. Моршен

Среди ранних стихов поэта лишь несколько однозначно трагических: «**На Первомайской жду трамвая**», «**Как круги на воде, расплывается страх**», «**Хиросима**» и «**Гроза**». Скепсис и ирония порой проявляются и в третьей книге поэта; в «**Воспалении зрительного нерва**» «красна девица сделалась синим чулком, / Сине море — зеленой скукой. / Синеи птицей мерещился красный лопух, / Белый свет — семицветною грязью».

Через все творчество поэта «проходит мысль о свободе, о противостоянии фатуму, «страшному миру» XX в. М. даже вступает в полемику со своими предшественниками, поэтами «парижской ноты», обвиняя их в слабости («**Ответ на ноту**»).

Лирический герой поэта не желает приходить к смерти, как жертва к палачу, как бык к тореадору: «Казнь и убой! А я хочу — / Как два бойца, как два клинка».

М. настойчиво ищет антитезу «железному веку». Так, уже в раннем стих. «**Вечером 7 ноября**» поэт не ограничивается картиной казенных празднеств и противопоставляет им «Ночной и рассудочный воздух, / Рябины прогоркшие кисти, / Звезды запоздалой пробег».

Лирический герой М. призывает пойти «на самый дальний край земли, забыв, что нет такого края», и там «Мы сядем рядом на обрыв / И свесим ноги непременно, / Их до колена погрузив / В поток несущейся вселенной. / Мы будем верить тишине, / Вдыхать космические ветры, / Следить летящие вонне / Секунды, звезды, километры» («**Исход**»).

«Тюлень» завершается стих. «**1943**», один из персонажей которого, крестьянин-торговец, на рынке оккупированного Киева подходит к букинисту, «выбирает наугад» томик с надписью «Тютчев», где «кто-то подчеркнул до дыр: / «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые...»

Так в поэзию М. входит тема космоса, судьбы Вселенной: «Среди туманностей цепных / Летит, кружит, поет Земля, / Окутанная дымкой слова».

М. ведет сам с собой спор о смерти и бессмертия. Он понимает, что от смерти не убежишь, «хоть круть, хоть верть», что «нахлынет смерть из темноты» («**Осенний жалуются норд**»). Но тут же говорит, что можно «свой перешагнуть предел».

В соответствии с антропософской теорией, вобравшей в себя и понятие кармы (реинкарнация душ), поэт, обращаясь к «Душе», говорит: «Ведь оба мы не умираем». Исчезает тело, а душа идет «назад за новым пилигримом». В свете этой мысли писателя становится понятно название его второй книги: